

Алексей Миллер

Введение

Города империи в эпоху войн и революций

Накануне Первой мировой войны Россия была преимущественно аграрной страной, где сельское население, за исключением Привисленских губерний, составляло более 85%. В то же время в империи очень активно разворачивались процессы урбанизации. К началу XX в. сложилась сеть крупных быстрорастущих городов, административных, индустриальных, торговых и транспортных центров с энергичными муниципальными учреждениями и значительными ресурсами для развития городского хозяйства. После революции 1905 г. многие из этих городов превратились и в центры политической жизни, где действовали достаточно крупные политические организации, разворачивались ожесточенные избирательные кампании по выборам в Государственную думу и в городские думы. По мере приближения войны становилась все более важной роль городов как укрепленных военных пунктов, центров мобилизации, транспортных узлов, сосредоточий военной промышленности. С 1914 г. многие города превратились в центры ухода за ранеными, места временного проживания и/или перевалки беженцев, а также содержания

*Частота смены власти в губернских центрах европейской России в 1917–1919 гг.
Карта составлена И. В. Нарским на основе данных Большой сов.
энциклопедии: в 65 т. + т. СССР. [1-е изд.]. М.: Сов. энцикл., 1926–1947 и Сов.
историч. энциклопедии: в 16 т. М.: Сов. энцикл., 1961–1976.*

*Пояснения о составлении и чтении карт см.: Нарский И. В. Жизнь
в катастрофе: Будни населения Урала в 1917–1922 гг. М.: РОССПЭН, 2001.
(Социальная история России XX века). С. 45–47, 574–575.*

военнопленных. В 1917 г. и позднее некоторые городские центры стали главной сценой разворачивавшихся революционных событий и различных гражданских войн. Впрочем, пароксизмы смертоносного насилия случались и ранее, как в мае 1915 г. в Москве.

К 1921 г., когда в основном закончились ставшие продолжением Первой мировой гражданские войны и войны Советской России с соседями, все города сменили свой статус просто потому, что империя, которой они принадлежали, ушла в прошлое. Некоторые стали столицами новых национализирующихся государств (Варшава, Таллин, Рига) и сохранили эту роль вплоть до Второй мировой войны. Другие в 1920–1921 гг. утратили ненадолго обретенный статус столицы независимого государства, но сохранили столичный статус в советской национальной республике, как Тбилиси, Баку, Ереван. Харьков стал столицей Украинской Советской Республики, а Киев утратил столичный статус. Гродно и Кишинев потеряли свой губернский статус в новых государствах. Поменялся статус Петрограда и Москвы — первый перестал быть столицей империи, вторая стала центром новой власти, новой империи.

Некоторые города были объектами ожесточенных конфликтов по вопросу о принадлежности их тому или иному государству (Вильнюс, Гродно), в других многократно сменялась политическая власть, третьи не раз становились ареной кровавых столкновений на этнической почве. Каким-то городам особенно «повезло», и они испытали все эти процессы. Есть исследования, которые изучали города Франции, Германии, Британии в годы войны, но нигде города не подвергались таким многообразным переменам и испытаниям, как в Российской империи.

Мне показалось важным организовать проект, который позволил бы лучше представить, что происходило с городами Российской империи в годы войн и революций, с 1914 по 1921 г. Сразу оговорюсь, что это лишь первый «приступ» к теме. У нас не было возможности реализовать длительную скоординированную исследовательскую программу. Благодаря поддержке Германского исторического института в Москве мы смогли провести осенью 2014 г. конференцию, а затем подготовить к изданию том, который читатель держит сейчас в руках. На первом этапе мы обозначили нашим авторам круг интересующих нас вопросов, а они уже уделяли больше внимания тем из них, которые были более значимы для обсуждаемых ими городов

и/или лучше проработаны ими как исследователями. После конференции, при доработке статей многие авторы постарались развить темы, которые оказались сквозными для всех описанных случаев, как, например, снабжение городов продовольствием.

Авторов статей, представленных в этом томе, объединяет интерес к истории города в широком смысле слова. Собственно, мы исходили, как правило, из прежнего багажа исследователей, когда приглашали их к участию в нашем проекте. Но далее начинаются существенные различия. Некоторые статьи написаны историками, которые изучают прежде всего войну и революцию в городском контексте. Другие более интересуются историей того или иного города как важного места в национальном историческом нарративе. Среди авторов есть люди, живущие в городах, о которых они пишут. Есть те, кто влюблен в свой город, а есть и те, кто относится к нему со скепсисом. Часть авторов смотрит на свои объекты исследования извне, в том числе находясь вне историографического контекста и политических обстоятельств тех стран, которым принадлежат исследуемые ими города в настоящее время. «Посторонний» американец рассказывает историю противостояния литовцев и поляков вокруг Вильно/Вильнюса иначе, чем грузинский автор — историю противостояния грузин и армян в Тифлисе, немецкий историк рассматривает межэтнические отношения в Ревеле и Риге иначе, чем украинский историк — межэтнические отношения в Киеве. Эти обстоятельства очень важны — авторы говорят о событиях в разных эмоциональных регистрах, используют разные историографические традиции.

Политические обстоятельства оказались для проекта более значимыми, чем хотелось бы, — осень 2014 г. не была самым удобным временем для проведения международных конференций в России. Не все, кого мы хотели видеть в проекте, в конечном счете в нем участвуют. Для тома были заказаны статьи о Баку, Ереване, Минске, Екатеринославе, Архангельске, которые по разным причинам не были написаны. Мы вынуждены были отказаться от рассмотрения городов Средней Азии, Сибири, Дальнего Востока просто из-за ограниченности масштабов проекта, понимая, конечно, что города этих регионов проживали не менее интересные трансформации. В то же время мы очень рады, что в этой книге, где редакторами выступают историк из Санкт-Петербурга и историк из Харькова, участвуют авторы из 10 стран — России, Украины, Белоруссии, Молдовы, Грузии,

Эстонии, Польши, США, Англии, Германии. Сохранение и развитие академических контактов в эти трудные годы, в том числе и в рамках этого проекта, было очень важно.

Усилиями наших авторов мы получили статьи о Петрограде, Москве, городах Урала, Риге и Таллине, Вильнюсе, Варшаве, Гродно и Новогрудке, Киеве, Харькове и Одессе, Кишиневе и Тбилиси. Это дает неизбежно неполную, но весьма представительную картину.

Помимо статей, посвященных отдельным городам, в конце книги читатель найдет статьи-комментарии четырех выдающихся историков, которые обсуждают близкие им аспекты истории этого периода через призму статей, включенных в сборник. Питер Гэтрелл говорит преимущественно о проблемах мобильности населения. Джошуа Санборн обсуждает, насколько материал этого тома подтверждает концепцию его книги об «апокалипсисе империи» и разворачивавшихся в ней процессах деколонизации. Леонид Иосифович Бородкин смотрит на экономический ракурс темы и, в заметном противоречии с Санборном, подчеркивает, что материал статей показывает: резкое ухудшение положения со снабжением и управляемостью относится только к последней трети 1916 г., а обвал наступает уже после революции. Борис Иванович Колоницкий рассматривает различные направления возможных (и нужных!) сравнительных исследований положения в городах империи в рассматриваемый период.

Мы же попробуем во Введении поговорить о тех ключевых тематических кластерах, которые так или иначе появляются во всех статьях этого сборника.

Время

Время уплотняется, наполняется событиями. Это можно сказать применительно ко всему рассматриваемому периоду и к большинству городов. Собственно, многие города империи и перед войной представляли собой места бурных изменений. Во время войны время идет по-разному в разных городах. Часть городов выпадает из «русского времени» в результате оккупации, пространство которой существенно расширилось в результате немецкого наступления, начавшегося в мае 1915 г. Динамика процессов в оккупированных городах уже не определяется событиями в России вплоть до конца мировой войны, когда Германия уходит из региона. Исчезновение Германии

как регионального гегемона, а также крах империи Габсбургов дают старт войне «всех против всех», которая часто ведется именно за контроль над городскими центрами, такими как Вильнюс или Львов.

Российская революция, и прежде всего порожденное ею новое советское государство, вновь начинает оказывать мощное воздействие на бывшие западные окраины империи, где встречает сопротивление белых, а также противодействие новых национальных структур, в первую очередь польского государства. В 1920–1921 гг. Советы распространяют свой контроль на Кавказ, где ресурсы сопротивления независимых республик оказались ограниченными.

Очевидно, что динамика политических изменений резко возрастает в 1917 г. Смены власти, часто сопровождавшиеся кровавыми столкновениями в самих городах, для некоторых центров превращаются в бесконечный «сериал». Киев, по самым скромным подсчетам, пережил более 10 смен власти именно в этот период. Даже города, расположенные в российской глубинке, на Урале, становятся ареной частой смены власти — вплоть до семи раз, как в Уфе, где, как и на Западе, значимым оказался этнический фактор, придавший дополнительную динамику процессам в городе.

Динамика изменений экономической ситуации тоже указывает на 1917 г. и первые месяцы 1918 г. как на переломный период. С самого начала войны мы наблюдаем рост цен на продовольствие, однако ситуация со снабжением оставалась в целом под контролем, который в значительной степени осуществлялся муниципальными органами. Городские службы в большинстве случаев довольно эффективно справлялись с решением масштабных задач, которые обрушила на них война, — помощь семьям мобилизованных, размещение беженцев и раненых, организация транзита большого числа военных и гражданских лиц.

Признаки того, что власти перестали удовлетворительно справляться с задачей снабжения городских центров продовольствием, появляются во второй половине 1916 г., когда в восприятии населения ситуация становится «нетерпимой», начинаются разговоры о голоде. Но подлинный коллапс системы снабжения приходится на революционное время. Если в предыдущий период рост цен на десятки процентов сопровождался пусть и более умеренным, но все же увеличением заработной платы, то теперь подорожание на сотни и тысячи процентов происходит без какой-либо реальной компенсации. Крах переживают и все другие системы городского хозяйства — отопление, канализация

выходят из строя. Улицы превращаются в зловонные сточные каналы. Все силы населения уходят теперь в буквальном смысле на борьбу за выживание, добывание пищи и дров. На фоне «немыслимого быта» революционных лет кризисные явления и бытовые трудности 1914–1916 гг. выглядели уже совсем иначе. Менялись представления о возможном и допустимом, в том числе в сфере человеческих отношений.

Это нашло свое отражение в динамике изменения численности населения. Во многих городах до 1917 г. включительно наблюдался быстрый рост численности населения — отчасти из-за прибытия беженцев и раненых, отчасти из-за перевода в Москву, Петроград, Харьков важных промышленных предприятий с угрожаемых западных окраин. С 1918 г. во многих городских центрах происходит резкое сокращение численности населения, что отражает полный коллапс городских служб и системы снабжения, во многом вызванный разгромом муниципальных органов власти Советами. Зато начинается за счет беженцев от Советов и от возможной мобилизации в ходе Гражданской войны рост численности населения в городах регионов, не охваченных войной, прежде всего на Юге.

Применительно к рассматриваемому периоду мы можем говорить о дискретности времени. Приход оккупационной власти, возникновение новых государств, революция, радикальное изменение бытовых условий и норм поведения создавали ощущение радикального разрыва с безвозвратно канувшей «прошлой жизнью», недолгие периоды революционной экзальтации, надежд на решительное обновление сменились у большинства состоянием безграничной усталости и апатии.

С точки зрения модернизационных процессов период с 1917 г. часто выглядел как время архаизации, разрушения сложных структур городского хозяйства, организационных форм высокой культуры, современных норм жизни. В определенном смысле время, можно сказать, поворачивало вспять...

Пространство

Тема пространства применительно к нашей проблематике проявляется в удивительном многообразии аспектов.

Статьи о Риге и Таллине, о Варшаве, отчасти и статья о Вильнюсе показывают, что на начальном этапе войны поддержка империи

со стороны различных этноконфессиональных групп была связана, среди прочего, с надеждами на вознаграждение после войны за лояльность, получение автономии в рамках Российской империи и с восприятием Германии как бóльшей угрозы. В то же время многие города уже в 1915 г. «выходят» из пространства Российской империи в результате оккупации. Вплоть до краха Германии в 1918 г. набирает силу образ *Mittleeuropa* как региона германского доминирования. Местные акторы ищут для себя место в новой географии, по-новому центрированном имперском пространстве.

Сквозь большие имперские регионы проступают и образы национальных отечеств, которые находятся в конфликтах друг с другом. Многие города становятся фокусирующими точками этих конфликтов — Львов и Киев, Вильнюс и Гродно, Рига и Таллин. В 1917 г. начинается переформатирование административного пространства окраин империи: прежние губернии меняют свои очертания в соответствии с этническим признаком по решению Временного правительства, как в Прибалтике. С 1917 г. развиваются процессы суверенизации имперских окраин, получившие мощный дополнительный импульс в результате прихода большевиков к власти в центре бывшей империи. Возникающие новые государства по-новому формируют политическое и экономическое пространство вокруг городов и в самих городах.

Это задает новую логику и новую динамику развития. Меняется воображаемая география макрорегиона, обостряются вопросы принадлежности к российскому политическому пространству. Например, в Кишиневе и многих других окраинных центрах уже после развала империи, даже в 1918 г., держались за принадлежность к некоей уже не существующей демократической России исходя из местных интересов. Меняется положение города в окружающем пространстве, в системе коммуникаций одни связи рвутся, другие, новые, возникают. Железнодорожный транспорт работал с нарастающими перебоями, что особенно болезненно отражалось на поставках продовольствия. Сама система торговых связей городов претерпевала существенные изменения, становилась намного более ограниченной, локальной.

В самом городе мы можем наблюдать изменение пространства рынков, уличной торговли и особенно яркое явление той поры — своеобразное социальное пространство очереди. Постепенно вырабатываются нормы поведения в этом пространстве, которые, впрочем,

будут неустойчивы из-за обострения дефицита и борьбы за продовольствие.

Одно из важнейших изменений социального пространства города — новые роли женщины, которую война и мобилизация мужчин вытолкнули из домашнего круга на рынок труда, в новую роль сестры милосердия в лазаретах и госпиталях. Затем, по мере углубления социального кризиса и в условиях Гражданской войны, женщина будет все чаще выступать в роли главы семейства, в роли главной добычицы пропитания, часто на грани и за гранью прежних социальных норм.

Значение пространства города как пространства контроля над распределением дефицитных продуктов питания, топлива, медикаментов возрастало по мере усугубления кризисных явлений. Примеры Вильнюса и Гродно показывают, как немецкая оккупационная администрация старалась контролировать потоки товаров, обеспечивая собственную монополию на самые ценные продукты и создавая условия для сбыта немецкого неликвида. С этими усилиями контролера боролись местные еврейские торговцы, не остановившиеся даже перед сооружением секретного тоннеля для доставки товаров в Гродно. По русскую сторону фронта муниципалитеты и государство сотрудничают, но часто и конфликтуют в сфере контроля за потоками товаров и ценами.

Город выступает как поставщик обитаемого пространства. С самого начала войны остро встает вопрос размещения госпиталей, беженцев, рабочих переводимых подальше от фронта предприятий, концентрируемых в городе войск. Прибывающие в город беженцы и работники эвакуированных предприятий меняли облик отдельных районов. Статьи о Тбилиси, Кишиневе, Гродно, Харькове содержат много таких примеров: в Кишиневе и Тбилиси размывается колониальная структура городского пространства, в Гродно — этноконфессиональная, в Харькове по преимуществу социальная. В книге показаны и попытки создания своеобразных немецких гетто в городах империи на фоне роста антинемецких настроений в 1915 г.

В революционных условиях обострялся вопрос собственности на здания, ответственности за их обслуживание и поддержание в рабочем состоянии систем водоснабжения, канализации, отопления. Предметом ожесточенных конфликтов была стоимость аренды жилья. Проблема учета и контроля обитаемого пространства приобрела

в Москве невиданные прежде масштабы в связи с переездом в город большевистского правительства.

Война порождала ранее неизвестные общественные пространства. Местом борьбы за влияние для разных политических сил становятся госпитали (об этом идет речь в статье о Киеве), места содержания военнопленных и, уже в революционные годы, — военные гарнизоны, места расквартирования воинских частей. В 1917–1918 гг. политика как никогда прежде выплескивалась на улицы и площади, город оказывался сценой и рамкой революции, что так ярко показывают включенные в книгу фотографии.

Символическое пространство города радикально менялось при смене политических хозяев. Это особенно ясно видно на примере Варшавы как столицы независимой Польши, где систематически устранялись все символические признаки российского имперского присутствия, вплоть до разборки колоссальных строений. В других городах западных окраин империи в условиях оккупации или основания новых государств символы имперской доминации и русского присутствия — городская топонимика и уличные таблички, торговые вывески, памятники — также уничтожаются.

Власть, лояльность, идентичность

Большая война означала, что грядут большие перемены. Люди пытались угадать, какие именно. В Новоградке неосторожные слова чиновника, обращенные к толпе призывников, создали у них заблуждение, что война окончилась, не начавшись, и все радостно засобирались по домам. Но надежда, что все образуется, умерла быстро. В Варшаве уже в начале войны все гадают, через сколько недель сдадут город. Все пытаются вообразить мир, который установится через год, максимум два года войны. В конечном счете, разумеется, все ошиблись в своих ожиданиях, потому что, за исключением редких провидцев, таких как Петр Дурново, никто в 1914 г. не предполагал масштаба грядущих изменений. Даже в 1917-м еще никто и представить себе не мог, что все континентальные империи Центральной и Восточной Европы рухнут в результате войны и вся политическая география региона окажется перекроенной. Но политическое воображение с начала войны работало с возбуждением, с обостренными страхами и надеждами, уже совсем иначе, чем в мирное время.

С самого начала войны власть и в реальности становится зыбкой и неопределенной. На западных окраинах значительный объем властных полномочий перешел к российским военным, неразбериха с прерогативами и зонами ответственности между военными и гражданскими властями сразу дала о себе знать. В 1915 г. многие города западных окраин оказались под контролем германских оккупационных властей. Уже тогда у многих возникает ощущение *временности* власти, при которой в данный момент приходится жить. Появление Временного правительства было не началом этого *временного* состояния, а лишь дало ему имя. Начиная с 1917 г. власть, как уже было сказано, меняется во многих городах часто, иногда — с калейдоскопической быстротой. В качестве власти выступают и германские войска, и войска стран Антанты (в портовых городах — Архангельске, Одессе, Баку), японские войска в Забайкалье, различные белые силы, большевики, солдатские советы, не всегда лояльные большевикам, новые национальные правительства, военные атаманы разных политических мастей.

Но это — политический уровень. А для повседневной жизни города ключевое значение имели муниципальные власти, которые часто продолжали работать, несмотря на смену политических режимов. Многие статьи показывают, что муниципальные власти в Российской империи обладали большим потенциалом и опытом и удивительной устойчивостью. Это стало очевидно после февраля 1917 г., когда политическая власть, особенно на периферии, была почти парализована, а муниципалитеты держали на своих плечах ухудшающуюся ситуацию, не давая ей сорваться в хаос. Это, кстати, указывает на крупные города и их муниципалитеты как на важнейшую площадку развития общественной самоорганизации дореволюционной России.

Наши знания о роли городских структур и руководивших ими людей довольно фрагментарны. Это происходит во многом потому, что такими сюжетами занимаются по преимуществу местные историки в масштабе одного города. Эта книга, конечно, не решает задачу составления достаточно полной картины, но дает возможность увидеть значимость муниципальных структур в масштабе всей империи. Муниципалитеты были разрушены Советами, и это стало одним из факторов той социальной катастрофы, которая произошла на прострaнстве, подконтрольном большевикам, в 1918–1920 гг.

Смены власти, вовлечение новых групп в борьбу за власть имели весьма отчетливое этническое измерение. Целый ряд факторов, обусловленных войной, вызвал мобилизацию этничности, резкое возрастание значимости национализма в жизни империи в целом и в особенности в жизни городов империи.

Две сильно урбанизированные этнические группы с самого начала войны становятся объектом дискриминационных мер. Прежде всего это немцы. Людей ведут в участок уже за то, что они говорят по-немецки. Принимается целый ряд антинемецких мер, включая депортацию и принудительную продажу собственности. Уже в 1914 г. происходят первые немецкие погромы, а в мае 1915 г. разворачивается колоссальный, с человеческими жертвами, немецкий погром в Москве. Возникают планы создания немецких гетто.

Другая группа, немедленно оказавшаяся под подозрением и административным прессингом, — евреи. Военные власти начинают колоссальную кампанию по выселению евреев из прифронтовой зоны, которая фактически упразднила черту оседлости за два года до того, как она была отменена де-юре Временным правительством.

В городах на оккупированных территориях резко, часто практически до нуля, сокращается присутствие русского населения. Армия, чиновники, православные священники эвакуируются. Устраняются все признаки русского присутствия — вывески, названия улиц. Закрываются или передаются другим конфессиям православные церкви. В статьях приводятся свидетельства людей из России, приехавших на западные окраины развалившейся империи в 1918 г. и пораженных полным отсутствием русских надписей в городах, где в 1914 г. русский язык доминировал.

Уход русских сам по себе менял иерархию этнических групп в городах, с новой остротой ставил вопрос об их политической принадлежности. Так, по немецкой переписи 1916 г. население Гродно сократилось почти в половину, до 24 397 жителей, из которых евреи составляли 15 583 (63,7%), поляки — 7 609 (31,1%), малорусы — 570 (2,3%), белорусы — 465 (1,8%), литовцы — 113 (0,4%). Таким образом, православные из доминирующей конфессии превратились в незначительное (менее 5%) меньшинство. Важной составной частью оккупационной политики были усилия по демонтажу достигшей русификации, по развитию идентичности украинцев и белорусов как отдельной от русской.

Следя за изменением конфессионального и этнического состава городов в ходе войны, нужно иметь в виду, что цифры переписей не отражают всей глубины процессов. Например, в Баку процент мусульманского населения все время оставался почти без изменений. Однако «наполнение» этой доли менялось. Квалифицированные рабочие из Ирана покидали нефтяные разработки из-за падения курса рубля, а на их место приходили крестьяне из окрестных сел. Точно так же из 15 тыс. гродненских евреев далеко не все жили в городе перед войной, но пришли туда на место тех евреев, которые добровольно или принудительно выехали на восток.

Истории Гродно, Тбилиси, Риги, Таллина, Вильнюса и многих других городов на имперских окраинах — это истории обострения конфликтов между этническими группами за «право собственности» на город. Многие из этих конфликтов были решены силой оружия, иногда с боями на улицах города, теми местными игроками, которые вплоть до конца войны не решались выступить как самостоятельная вооруженная сила.

Во внутренних губерниях город был местом, где формировались структуры, которые выполняли организующие функции среди отдельных групп населения. Система помощи миллионам беженцев была организована по этническому признаку. Люди, занимавшие ключевые позиции в этой системе или в других земляческих организациях в годы войны, затем выходили на ведущие роли в новых национальных государствах.

Смены власти и их последствия, весь опыт городской жизни военного и революционного времени оказывали мощное воздействие на процессы формирования идентичностей и политических лояльностей. Эти процессы отнюдь не были «линейными». Концепция «национального безразличия» (*national indifference*), предложенная историками Богемии Питером Джадсоном, Джереми Кингом и Тарой Зара, при определенной модификации может быть полезна для понимания процессов, рассматриваемых в этой книге. «Национальное безразличие» как нежелание решительно поддержать то или иное национальное движение со стороны этнических групп, от имени которых это движение выступало, отсутствие четко выраженного стремления к созданию независимого национального государства совсем не обязательно свидетельствовало о «темности» или «отсталости» «национально безразличных». Напротив, нередко такая позиция

была рациональным выбором групп, которые вполне можно назвать региональными элитами. Наиболее яркий пример такой ситуации дает статья о Кишиневе, красноречив и пример немцев в городах Прибалтики. Образцом тотального политического безразличия выглядит Одесса.

Эта книга представляет собой весьма увлекательное чтение для любого, кто интересуется историей России XX века.

Энн О’Доннелл

Хозяйственная жизнь и власть в Москве, 1914–1920

«**В**ойна с Германией, — писал Николай Астров, городской голова Москвы во время бурного периода 1917 г., — смела сложную сеть экономического и хозяйственного поведения, которая после многих лет мирных, соседских отношений стала нормальным состоянием повседневной жизни»¹. Экономический кризис военного времени расшатал не только фасады институтов и принятых политических курсов, но и фундамент имперской социальной жизни, особенно в городах. Помимо роста цен и исчезновения товаров, под давлением экономических трудностей империи распался богатый, разносторонний набор хозяйственных практик, каркас для «нормального состояния повседневной жизни», как ее понимали имперские субъекты. По сравнению с политическими последствиями экономического коллапса империи в военные годы мы знаем относительно мало о видах «экономического и хозяйственного поведения» (коммуникабельности, ключевой для повседневных практик), которые пришли на смену формам, характерным для мирного времени. Экономической и хозяйственной жизни обычно отводится роль спускового

© Энн О’Доннелл, 2017

Энн О’Доннелл — профессор-ассистент Университета Нью-Йорка.

крючка в революционных процессах, стимула для действия, которое разворачивается в другом, внешнем измерении². Такая некорректная постановка вопроса исключает ее из революционного процесса. Послужив толчком для социального переворота или политических выступлений, хозяйственная жизнь быстро отходит на задний план для того, чтобы снова возникнуть позже в качестве более или менее нейтрального поля для внедрения революционных политических подходов и революционной вовлеченности³. Однако Астров указывает нам, что с точки зрения как «хозяйственного поведения», так и «соседских отношений» опыт Первой мировой войны был сам по себе в какой-то мере революцией⁴. Настоящая статья ставит целью проследить, как эти новые принципы «экономического и хозяйственного поведения», которые появились во время войны, а также вызванные ими ожидания и задачи управления структурировали революционный процесс и сформировавшиеся в итоге учреждения. В рассказанной здесь истории город Москва предстает как субъект политических преобразований, а не просто как полотно для таких изменений и объект для переделки в соответствии с политическими принципами нового режима.

В этом отношении влияние Москвы имело двойной характер. В качестве города, в котором большевики намеревались заявить свои права на власть после побега из Петрограда в марте 1918-го, Москва и ее хозяйственная экосистема — ее полуразрушенный жилищный фонд, имеющиеся в избытке торговые помещения, переполненные транспортные узлы, процветающие черные рынки — сформировали «клуббу», на которой «взросли» многие ключевые институты режима и его практики городского управления. Однако то, что формировалось в Москве, быстро приобрело значение далеко за ее пределами. Практические нужды распространения власти большевиков в сочетании с их верой в науку социализма и, как следствие, в возможность воспроизвести московские достижения в других частях Советской республики придали Москве статус образцового города, наиболее советского из всех советских городов. Москва заняла эту позицию почти сразу же после того, как большевики объявили ее своей столицей, несомненно задолго до того, как появилась возможность кардинально перестроить город. Понадобится десятилетие и даже более до внедрения масштабных проектов, которые превратят Москву из разросшейся деревни в социалистический метрополис. Однако уже в 1920 г. Народный комиссариат просвещения создал отдел, занимающийся координацией

многочисленных конгрессов и конференций, проходящих в Москве, размещением приезжих и организацией экскурсий по городу⁵. К началу 1920-х восприятие Москвы как некоего олицетворения нового режима распространилось даже за пределы Советской России, в том числе среди врагов большевиков. «Москва, — писал в 1922 г. В. В. Руднев в эмиграции, — приобретает облик типичного „советского“ города. „Красная“ Москва — это предельное воплощение советского режима»⁶.

На протяжении Первой мировой войны, по мере того как цепочки поставок распались и изменялись самые базовые ожидания в отношении правил, определяющих снабжение, проблемы хозяйственной жизни приобрели безотлагательный характер. Эти хозяйственные изменения были вызовом для перегруженного, неэффективного имперского государства. Они также перекроили базовые черты городской социальной жизни. Первая часть этой статьи демонстрирует, как в результате экономического кризиса военных лет взаимоотношения и практики, настолько рутинные, что в иной ситуации они были бы почти незаметными, оказались неожиданно в центре внимания, открытыми для пересмотра. После этого рассматривается, как во время революций 1917 г. все менее знакомая, менее устойчивая и, как следствие, все более склонная к конфликтам хозяйственная жизнь Москвы дала начало новым институтам местного управления, домовым организациям, которые в конечном итоге стали ключевыми узлами распространения власти большевиков в городе. В последней части статья прослеживает, как в условиях двойного давления большевистской идеологии и борьбы за превращение города в новую столицу Советской республики проект перераспределения самого желанного хозяйственного актива Москвы, застроенных площадей, нуждался в участии общества и зависел от него, создавая для режима особую форму административного потенциала государства (state saracity) посредством размывания границ между официальным и неофициальным, публичным и частным.

Москва во время войны

Суровые условия тотальной войны внесли полный беспорядок в принятые практики экономической жизни в Российской империи. В августе 1914 г. российское Министерство финансов отказалось от с трудом введенного золотого стандарта империи, который создавался

по образцу британской системы и был принят двумя десятилетиями ранее⁷. Ожидая непродолжительный конфликт (как отмечал М. В. Бернацкий, «бюджет 1915 г. был составлен исходя из убеждения, что во втором полугодии экономика будет находиться в мирных условиях»), царский режим намеревался финансировать военную кампанию посредством иностранных займов и печатного станка⁸. Однако по мере того как война затягивалась и займы от союзников иссякали, режим был вынужден все чаще опираться на денежные эмиссии. Курс рубля стремительно падал как раз в то время, когда экономически прибыльные западные территории оказались под вражеской оккупацией, большая часть рабочей силы была мобилизована в армию и налоговые поступления от внешней торговли уменьшились⁹. Известное имперское распоряжение, приостанавливающее официальную продажу алкоголя, подорвало один из основных источников государственного дохода именно тогда, когда военные расходы, содержащиеся в секрете и рассматриваемые отдельно от обычных затрат в «чрезвычайном» необнародованном бюджете, разрастались¹⁰.

Мобилизация денег и ресурсов, достаточных для борьбы с немцами, также привела к глубокому проникновению имперского государства в области, которые ранее оставались сферой деятельности коммерческих рынков¹¹. Хотя все воюющие стороны внедрились инновации в сфере экономического управления, только в России бюрократы и эксперты столь активно отстаивали такого рода меры в качестве ответа на трудноразрешимые задачи развития, возникшие еще до войны¹². Отвлечение к «посредникам» и «спекулянтам» было настолько сильно, что руководители Министерства земледелия, перед которыми стояла задача по управлению зерновыми запасами во время войны, решительно направляли свои усилия на «обход частных торговых структур» вместо их включения в государственные сети. Таким образом ограничивалась роль внешнего капитала, но у государства появлялась необходимость создания своих органов, занимающихся обменом товаров, которые вступали в конкуренцию с уже существующими частными институтами¹³. Хорошо известная неэффективность имперской бюрократии также создавала препятствия для государственных усилий по снабжению продовольствием. Борьба за ресурсы между гражданскими и военными властями повышала цены на зерно, так как чиновники, отправленные в одни и те же богатые хлеботородные регионы, набавляли цену за счет государства. Военные руководители,

получившие широкие административные полномочия в прифронтовых территориях, конфисковывали железнодорожные составы с зерном, приобретенным властями тыловых городов¹⁴.

Возникновение многочисленных полугосударственных организаций стало ответом на недочеты режима в управлении снабжением. Эти организации, самые известные из которых, Союз городов и Военно-промышленный комитет, зародились в Москве, были тем не менее проникнуты государственным этосом, несмотря на жесткую, критическую оценку имперского государства. Предложения, сформулированные на большой конференции по проблемам снабжения, организованной Союзом городов в Москве в июле 1915 г., сосредоточились на совершенствовании официального контроля над ценами, железными дорогами и распределением при помощи руководимой государством «единой системы регистрации запасов продовольствия и топлива, а также их географического распределения»¹⁵. Однако по мере того как разочарование в имперском режиме росло в результате принятия царем на себя верховного командования, общественные организации всё в большей степени направляли свою деятельность не на содействие государственным усилиям по осуществлению снабжения, а на их замещение¹⁶. Провал в сфере регулирования экономической жизни в масштабах всей империи был одним из основных направлений критики попыток правительства по организации снабжения. Хотя центральная власть издавала обязательные для исполнения приказы и распоряжения по управлению материальными ресурсами, их выполнение обычно находилось в руках региональных и муниципальных властей. В какой-то мере такой подход был неизбежен. В отсутствие значительных информационных ресурсов и практических методов для фиксации цен (проблема, которая была предметом широкого экспертного обсуждения даже в странах с такой развитой экономикой, как в Великобритании) у имперского правительства оставалось мало других вариантов, помимо передачи вопроса в ведение местных властей, которые могли возместить недостаток технических знаний пониманием местных условий¹⁷. Однако такие меры неизбежно еще более раскалывали империю как экономическое пространство.

Муниципальные власти были вынуждены брать на себя все бóльшую роль в управлении местной экономической жизнью. Николай Астров позже писал, что города империи «особенно ощущали

высокий прожиточный минимум и несли тяжелое бремя, пытаясь его снизить», несмотря на то что это была «сфера, в которой у них не было опыта и никакого реального законного права». Большинство муниципалитетов, по словам Астрова, столкнулись с высокими ценами на основные продукты во время второго года войны. На третьем году «это относилось ко всем аспектам муниципальной жизни и руководства»¹⁸. В Москве первое вторжение городского руководства в сферу фиксирования цен относилось к продаже мяса и было осуществлено под покровительством градоначальства, которым в это время, в апреле 1915 г., руководил А. А. Адрианов. Адрианов был особенно осторожен в отношении этого подхода, который он охарактеризовал в письме министру внутренних дел Н. А. Маклакову как «в высшей степени рискованный, так как неверное определение максимальной цены может повести к тому, что подвоз скота прекратится, и столица (Москва) останется без мяса»¹⁹. В то время как, по словам Астрова, большинство городских руководителей устанавливали официальные цены в соответствии с «рыночными ценами товара на тот момент»²⁰, Адрианов «неоднократно созывал у себя совещания из представителей городского общественного управления и мясной биржи и лиц, близко стоящих к мясной торговле» с целью фиксирования московских оптовых цен на уровне 9 рублей за фунт²¹. Уполномоченные изначально регулировать только продажу мяса и хлеба, многие города быстро распространили сферу своего контроля также на топливо, свечи и чай²².

Проблема соблюдения правопорядка принимала угрожающие размеры для всех городов. Расплывчатая, неясная задача борьбы со «спекуляцией» была ее ключевым измерением. Сообщение Министерства внутренних дел по этому вопросу, посланное начальникам полиции и губернаторам в апреле 1915 г., относилось к «спекулянтам» тех, кто «искусственно» повышал «и без того высокие цены на эти продукты», подтверждая разграничение между приемлемым процессом балансировки спроса и предложения, с одной стороны, и недозволенной спекуляцией с другой²³. В тот же день Маклаков послал Адрианову специальное сообщение с донесениями об особенно вопиющей спекуляции в Москве и с рекомендациями по «высылке спекулянтов, независимо от занимаемого ими общественного положения»²⁴. Отвечая, Адрианов подтвердил создание многочисленных комиссий и издание указов на городском уровне, направленных

на борьбу как со спекуляцией, так и с усугублявшейся проблемой взяточничества среди должностных лиц²⁵. Для города, который исторически уже обладал одной из самых многочисленных полицейских служб (до войны в Москве один полицейский приходился на каждые 77 жителей, в то время как в Петербурге эта пропорция составляла 1 к 216, а в Берлине — 1 к 416), необходимость надзора над самими полицейскими добавляла дополнительный уровень к уже широкой городской сети контроля²⁶. Для того чтобы обеспечить соблюдение торговцами так называемых «ориентировочных цен», установленных городской управой и вывешенных на общественных торговых площадках на видном месте, Адрианов приказал полицейским проводить неожиданные проверки местных складов и железнодорожных станций, контролируя, например, в один день запасы овса, а в другой — качество скота. Адрианов заверял Маклакова, что он лично выбирал надежных работников, «вверенной мне полиции я поручил тщательно следить за исполнением моих распоряжений и о всяком замеченном нарушении немедленно мне доносить».

Тем не менее цены в Москве росли. Астров впоследствии подсчитал, что к июню 1916 г. цены на рис выросли до 243 % по отношению к уровню 1914 г., на уголь и дрова — до 224 %, ржаную муку — до 195 %, а на сахар — до 153 %²⁷. В то же время Москва испытала резкий скачок численности населения, только в первый год войны приняв 400 000 новых жителей и впервые достигнув отметки в 2 млн чел. вскоре после Февральской революции²⁸. Некоторые из новоприбывших пришли на место рабочих, призванных в армию. Большинство же составили беженцы с оккупированных территорий и раненые солдаты. Во время войны Москве, как основному транзитному узлу в империи, пришлось разместить беспрецедентное число приезжих. Военные учреждения организовали свои самые большие больницы в Москве, в общем располагая 24 344 больничными койками по всему городу. Удивительно, но количество коек, которыми заведовал сам город, было почти в два раза больше — 57 175. Еще 15 888 коек содержались ресурсами различных институтов и организаций муниципального уровня. В сумме к сентябрю 1916 г. Москва предоставляла приблизительно 118 000 больничных коек для раненых — в два с лишним раза больше по сравнению с двумя ближайшими конкурентами, Киевской областью и Петроградом²⁹. Многие из сотен тысяч эвакуированных, которые прибыли в город, остались